

Семь дней. — 1998. — 12-18 окт. (№ 41). — с. 40-42

ЗАКРЫТАЯ ЖИЗНЬ КНЯЗЯ ШАДУРСКОГО

КАДР ИЗ ФИЛЬМА
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ»

В телесериале «Петербургские тайны» циничный светский повеса Вольдемар Шадурский попортил немало крови окружающим: изнасиловал на пари женщину, стал виновником смерти нескольких человек... Но актер театра «Ленком» Сергей Чонишвили, сыгравший этого зловещего персонажа, извергом или дьяволом во плоти своего героя не считает. По мнению артиста, у этого молодого человека были и качества положительные: он чувствовал ответственность за свою семью, любил родителей и, спасая их, был готов на все. Сам Сергей сейчас не женат, детей у него пока нет. Но к родителям он всегда относился с глубоким почтением.

— Сергей, если не секрет, какого вы роду-племени?

— Ой, кого только в моем роду не было: грузины, русские, поляки, чехи, немцы, французы, шведы... Это что касается родословной. А вообще я театральный ребенок, все детство провел за кулисами, мама, папа и отчим — актеры. Я ходил на все их репетиции, спектакли, мотался за ними на гастроли, в тринадцать лет стал даже играть в двух спектаклях небольшие роли. Родители много ездили по стране, жили в Тбилиси, Туле, Омске. В Омске мой папа Ножери Давидович Чонишвили был председателем Союза театральных деятелей, построил Дом актера, который после смерти отца назвали его именем...

— Очевидно, никаких колебаний по поводу будущей профессии у вас не было?

— Наоборот! В детстве я очень хотел стать океанологом, обожал животных, особенно

птиц, и мечтал о путешествиях. Океанологом мне стать не довелось, но попутешествовал по миру много. И птицу завел-таки: большого попугая жако. Зовут его Оскар, умнейший парень. У него шикарная клетка, размером в половину моей комнаты. Но я никогда никому не разрешаю его фотографировать, потому что сняться, зафиксировать свое изображение на пленке (все равно — фото или кино) означает отдать часть своей энергии.

— И это говорите вы, актер!

— Ну сам-то я стараюсь «закрываться» в такие моменты. Так же, как и ставлю себе «защиту» от чужой энергии, когда нахожусь в толпе — в городе, в метро. Но зато выходя на сцену, я совершенно открыт. Избитая фраза «актер — это диагноз» в отношении меня очень верна. Я, например, своей работе предан фанатично. Я двадцать четыре часа в сутки нахожусь в напря-

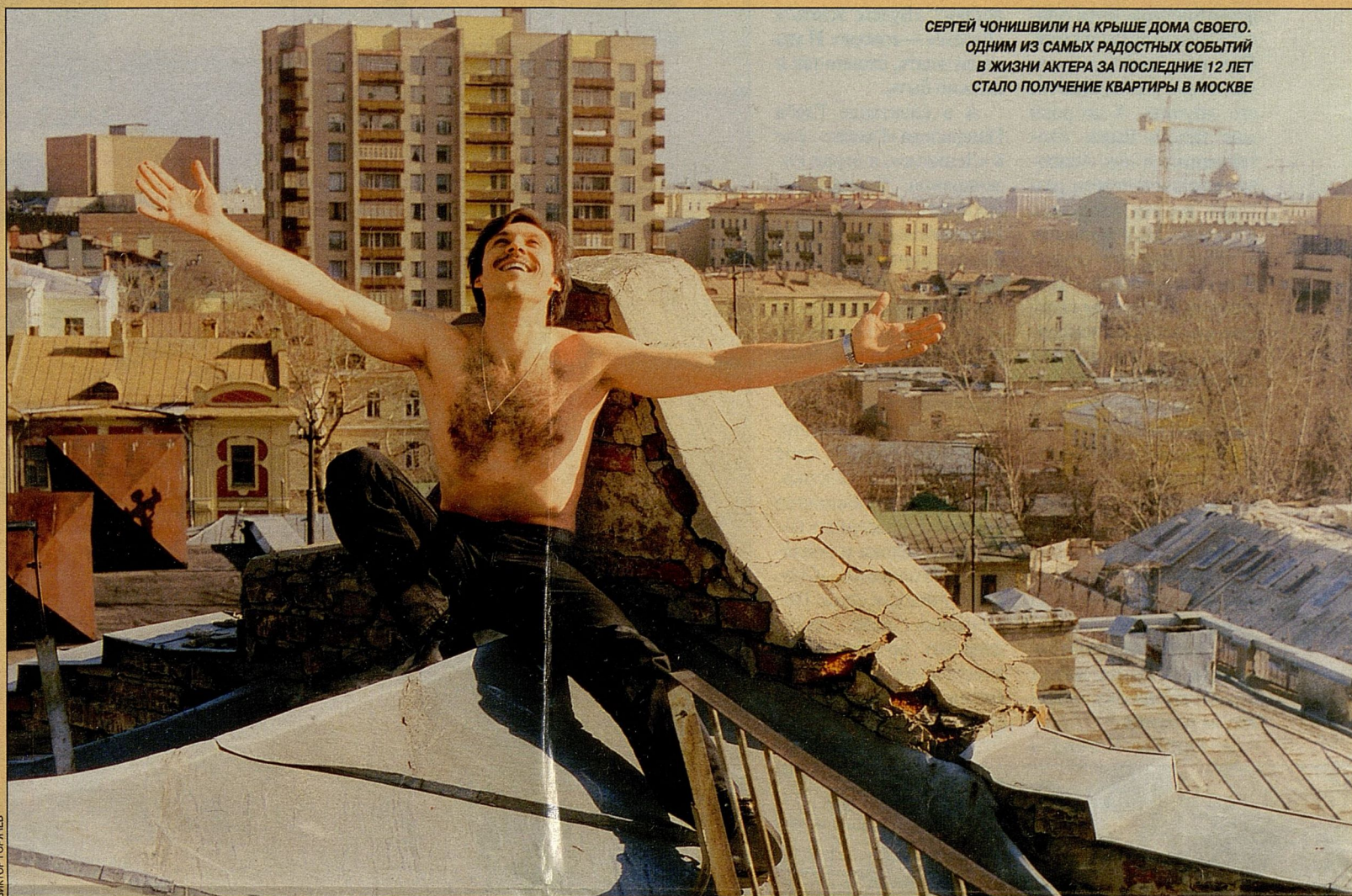

жении: с кем-то разговариваю, что-то вижу, о чем-то новом узнаю, все это запоминается, вызывает эмоции, которые потом используются в работе — в театре, в кино, на телевидении и даже в рекламе. (Рекламные работы Сергея Чонишвили хорошо известны. Рекламирая пиво, он в образе поручика Ржевского крепко, погусарски «берет быка за рога», а хорошо поставленный голос артиста постоянно рекомендует телезрителям приобретать гель «Comet». — Прим. авт.)

— *Кстати, о работе. Князь Владимир Шадурский из «Петербургских тайн» — редкостный негодяй, а вы его оправдываете. Значит ли это, что сами могли бы вести себя по его образу и подобию?*

— Смотря в чем. Что касается чтения Ницше, то я его читал. Что касается изнасилования женщины — не стал бы. А что касается мести своим врагам... не знаю. Если мне сейчас переломать руки-ноги, выбить зубы, лишиться работы и потом показать человека, который во всем этом виновен, может быть, я и убью его собственными руками... А может быть, и нет.

А вообще в школе я был хиленьким мальчиком. Но со мной не дрались. Попробовали не-

СЕРГЕЙ ЧОНИШВИЛИ НА КРЫШЕ ДОМА СВОЕГО. ОДНИМ ИЗ САМЫХ РАДОСТНЫХ СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ АКТЕРА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 ЛЕТ СТАЛО ПОЛУЧЕНИЕ КВАРТИРЫ В МОСКВЕ

сколько раз и перестали. Я в драках приходил в такое состояние, что не обращал внимания ни на что — ни на боль, ни на удары и не останавливался до тех пор, пока не повалю противника. Побеждал за счет силы духа.

— *А что помогает вам сейчас держать форму?*

— Та же сила духа. Спортом не занимался и не занимаюсь. Для меня спорт — это бег от одной работы до другой.

— *Разве у вас нет машины?*

— Нет. В условиях тотальных пробок мне проще проехать несколько остановок на метро

или пробежать дворами до нужного места. Кстати, и квартира у меня появилась совсем недавно. Я ее наконец получил после двенадцати лет работы в театре. Обустраивать ее буду сам, без дизайнера. По большому счету, мне для жизни нужны только кровать,

письменный стол, горячая-холодная вода и холодильник.

— *Письменный-то стол зачем актеру?*

— Я пишу. Прозу, стихи. Это мое хобби. То, что не доигрываю в жизни, доигрываю на бумаге. Есть уже три сборника стихов, несколько рас-

сказов, повесть, сейчас заканчиваю роман.

— *Редкое хобби для артиста.*

— Я еще играю на фортепьяно, гитаре, банджо, флейте и блок-флейте. В связи с чем стараюсь беречь руки. Хотя не всегда удается. Так, на съемках «Петербургских тайн» мне

для «убийства» Вити Авилова дали настоящий нож. При этом никто не подумал о том, что неплохо бы его затупить. А по роли мне нужно было, споткнувшись о тело Авилова, упасть и замереть, раздавив во рту капсулу с «кровью». На репетициях я обертывал это орудие убийства фольгой. Для страховки большим пальцем изо всех сил придерживал нож. В результате при очередном падении от неловкого движения нож воткнулся в пол, а мой палец буквально вывернулся наизнанку. Для человека, играющего на музыкальных инструментах, такое происшествие — трагедия. Конечно, я быстро сориентировался и сам вставил палец на место.

— *Нестандартные ситуации во время съемок или на спектаклях, наверное, не редкость?*

— Еще бы! Помню, в

вопрос: «Будем ждать?» «Будем!» — говорю. И мы стали ждать, словно так и должно быть.

А в спектакле Глеба Панфилова «Гамлет», уже в «Ленкоме», я играл Розенкранца. В одной из сцен нам с Агаповым — Гильденстерном нужно было поймать яблоко, которое кидал Клавдий. А оно было бутафорским, и если мы не успевали его подхватить, то падало на пол со страшным стуком. Мы нашли забавный выход: как только Клавдий собирался бросить свое искусственное яблочко, вынимали из карманов заранее припасенные настоящие яблоки и поедали их со словами: «Спасибо, у нас уже есть». Постепенно дело стало доходить до абсурда — вместо яблок мы ели даже груши, яйца и — не поверите — курицу.

— *Вы никогда не жале-*

ДЖИГАРХАНИЯ — ЧОНИШВИЛИ: «ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, СЕРЕГА, ВЕТЕРАНА СЦЕНЫ. ТЕБЕ С ХУДРУКОМ ПОВЕЗЛО. ЗАХАРОВ, КОНЕЧНО, СТРОГ, НО СПРАВЕДЛИВ»

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

студенческом спектакле «Прощай, оружие!» по ходу пьесы я предложил партнеру выпить. Но подойдя к тому месту, где должна стоять бутылка, обнаружил, что ее нет. А все дальнейшее действие было связано с этой выпивкой. Тогда я достал из кармана какую-то бумажку (вроде бы это деньги), протянул ее за кулисы и попросил кого-то сбежать за бутылкой. Кто-то в панике побежал искать ее, а я спрашиваю своего побледневшего от ужаса партнера: «Ну, что нового?» Он дрожащим голосом отвечает вопросом на

ли о том, что стали артистом?

— У меня все получилось так, как хотел. Когда после школы приехал в Москву, окунулся в этот сумасшедший ритм, я сказал себе: «Все, в этом городе я остаюсь». И остался. Поступил с первого захода в Щукинское училище, а после его окончания в 1986 году сразу получил работу в Театре имени Ленинского комсомола.

Меня сначала приглашали в Сатиру, но выяснилось, что там нет актерской «единицы». И я отправился показываться

в «Ленком». Сыграл один отрывок, другой, что-то спел, и в перерыве меня вызвали к Марку Анатольевичу Захарову в кабинет. Захожу, сидят несколько человек: «Вы нам подходите, но мы слышали, что вас берет Сатира. Ваше дело выбирать». Я от неожиданности выпалил: «Выбирать не надо, я согласен». И почему-то добавил: «И во МХАТ тоже не пойду». Хотя туда меня вообще никто не звал... Вот так забавно я стал ленкомовцем. И считаю себя счастливым человеком.

Тамара СЕРГЕЕВА

ЛЕНКОМОВЦЫ ЛЮБЯТ ПОСИДЕТЬ В РЕСТОРАНЕ АЛЕКСАНДРА ЗБРУЕВА «ТРАМ» И ПОГОВОРИТЬ «ЗА ЖИЗНЬ» С ХОЗЯИНОМ ЗАВЕДЕНИЯ

ВИКТОР ГОРБИЕВ

СЕРГЕЙ ЧОНИШВИЛИ: «АКТЕР — ЭТО ДИАГНОЗ!» КТО БЫ С ЭТИМ СПОРИЛ?

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН